

18+ Галина Вольская

Я люблю эту землю

Галина Вольская
Я люблю эту землю

«Издательские решения»

Вольская Г.

Я люблю эту землю / Г. Вольская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989704-6

Удивительно красива наша Земля! Великолепна и разнообразна её природа, можно только восхищаться совершенством всех живущих на Земле созданий. Вот только люди не всегда умеют ценить и беречь всё, что окружает их. А стоит задуматься о том, что Земля такая же незащищённая и ранимая, как и человек.

ISBN 978-5-44-989704-6

© Вольская Г.
© Издательские решения

Содержание

Я люблю эту землю	6
Дом в деревне	6
Грушино	8
На веслах по рекам	11
Отдых на Волге	13
Дивеево	15
Хотя бы здесь	17
Каникулы в Санкт-Петербурге	18
Суббота, тринадцатое	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Я люблю эту землю

Галина Вольская

© Галина Вольская, 2020

ISBN 978-5-4498-9704-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я люблю эту землю

Дом в деревне

Купил этот дом Саша в девяностые годы. Тогда он был успешным предпринимателем, держал видеосалон, видеопрокат. Но хотелось ему работать на земле, иметь подсобное хозяйство. Ольга, с которой Саша тогда жил, согласилась переселиться со своими тремя детьми в деревенский дом, жить там постоянно. Завели кур, стали выкармливать поросят, обрабатывать огород. Что-то получалось, что-то нет. Мешала сильная тяга Ольги к спиртному.

Когда я увидела этот дом впервые, он произвел на меня удручающее впечатление. Всего одна комната, разгороженная шкафами и перегородками. Железная двуспальная кровать, старый продавленный диван. За перегородкой еще две узкие кровати в два яруса, одна над другой. Старшая дочка Ольги Катя уже не жила с ними, вышла замуж в шестнадцать лет и уехала в город. Рома и Вася спали на двухъярусной кровати, диван пустовал. Грязные обои с наклеенными картинками из журналов, засаленная, немытая газовая плита. Грязь везде, никто на нее не обращает внимания. Ольга ходит по огороду в больших, растоптанных мужских башмаках, в ситцевом платье с грязными разводами на животе. Тут же под ногами крутятся две собаки, кот. Кот по-хозяйски прыгает на стол, сует морду в кастрюлю, где пузырится, закипая, непонятное, мутное варево. Такие первые впечатления. Тогда я еще не думала, что смогу войти в этот дом пусть не хозяйкой, но многолетней спутницей Саши.

Ольге пришлось уехать из деревни после того, как ее застали за воровством картошки с огорода соседей.

– У тебя же есть своя картошка!

– Детям не хватит на зиму.

С Сашей они расстались из-за непрекращающегося пьянства Ольги. А вскоре она умерла от остановки сердца, оставив сиротами школьников сыновей. Родственники оформили мальчиков в интернат.

Когда мы сошлись с Сашей, мой старший сын был уже женат, младшему Павлику было четырнадцать лет. Рома и Вася немного старше. Прожить вместе с Сашей в его квартире я смогла меньше года, потом я ушла. Я вернулась в свою квартиру, но мы продолжали встречаться с Сашей. Пока я жила у Саши в моей квартире, где оставалась моя старенькая мама, сломалась газовая колонка, упала дверь в погреб, вышли из строя смесители в ванной и кухне, да и вообще квартира требовала ремонта. Много лет я пыталась что-то делать в своей квартире, в квартире Саши, в доме в деревне. Конечно, много не успевала, много делал Саша. Года два у Саши жил Вася, младший сын Ольги, над которым Саша оформил опеку.

Саша все время стремился в деревню, говорил, что там он себя чувствует лучше, чем в городе. Там у него всегда находилась работа в доме, на огороде. Работать он умел и любил. И требовал постоянной работы от меня, Васи, Павлика. Кроме участка в сорок соток, прилегающего к дому, мы сажали картошку еще на одном участке, несколько в отдалении. Прополоть всю траву просто не успевали, участки зарастали, но все равно какой-то урожай мы собирали. Причем вырастал там не какой-нибудь бурьян, а высокая, порой выше меня, амброзия и еще что-то подобное с раскидистыми листьями и толстыми стеблями. Корни у этой травы такие, что выворачиваются с большими глыбами земли, а то и просто не хватает сил их выдернуть.

Лучшие овощи Саша стремился продать, чтобы вложить деньги в строительство дома. Ради этого дома Саша ограничивал в еде себя и Васю, старался покупать самую дешевую одежду и обувь, экономил на всем. Вася, в конце концов, не выдержал, вернулся в интернат, отношения с Сашей у него прекратились.

В этот дом мы с Сашей приезжали и зимой. Топили по-черному баньку в конце огорода над речкой. Сидели в темной парной, вдыхая неповторимый дымный запах. Выходили босиком на снег, окунались с головой в узкую, неглубокую речку. Вода в речке родниковая, всегда холодная, не замерзает и зимой. Мы выскакивали на берег, бежали опять в парную. Ночью в деревне светло, даже если не видно звезд и луны. Как будто светится чистый, нетронутый снег. В городе такой снег сохраняется совсем недолго, быстро покрывается сероватым налетом. Мы возвращались в дом, пили заваренный с травами чай, заготовленный с лета томатный сок.

Дом по проекту получался большой – две просторные комнаты, кухня, хозяйственные пристройки. Снаружи он уже обложен кирпичом, высокую зеленую крышу видно издалика. Вот только кто в нем будет жить?

Я перестала работать, стала полноправной пенсионеркой, но три года не могла оставить мать. Она стала совсем старенькой, практически не выходила из квартиры, часто болела, очень плохо видела. Мамы не стало, но мой младший сын, который все также живет со мной, жениться явно не собирается. У старшего сына двое детей, младшему пять лет. Мальчик часто болеет, у снохи почти нет стажа, помочь ей, кроме меня, некому, ее мать давно умерла. К тому же у меня периодически обостряется экзема на руках. Из-за чего она появилась, я не знаю, грешу все-таки на компьютеры – приходилось работать в перестройку по десять – двенадцать часов. Тем более у Павлика, который также очень много времени проводит за компьютером, начинает появляться нечто подобное. В период сильного обострения все работы, связанные с водой, мне приходится делать в перчатках, они часто рвутся. Стирать на руках вообще не могу, пользуюсь автоматической стиральной машиной. Стоит ли говорить, что в деревенском доме удобств почти нет?

Сын Саши живет в Набережных Челнах, в наш город и тем более в деревню вряд ли вернется. Дом продадут. Причем вряд ли за хорошую цену, потому что работы в деревне сейчас почти нет. Три года из-за засухи урожаи были очень маленькие, речка у дома пересыхает.

Сил у меня все меньше, и я все реже приезжаю в этот дом. Высокий, красивый дом в деревне.

Грушино

Сашу с видеокамерой пригласили его знакомые. Видеокамера у него полупрофессиональная, Саша снимает иногда свадьбы, юбилеи, пока еще не появилось много наступающих на пятки конкурентов. Он предлагает мне поехать с ним, я соглашаюсь с некоторой опаской. Давно не была ни в каких походах, не позволяла работа, дети, не было подходящей компании. Да и возраст уже критический, можно сказать, как выдержу поездку, ночевки в палатке? На Грушинском фестивале я не была ни разу, не знаю что там, как одеваться, что брать с собой. Почему-то представляется песчаный берег у воды, жара.

Список необходимых продуктов нам Людмила выдала, палатку пообещала предоставить. После некоторых раздумий останавливаюсь на легком спортивном костюме, на ногах крепкие босоножки, ну и теплая одежда с собой, конечно, на всякий случай. Помню, как один наш саратовец приехал из нашего зноя в Архыз в одной летней рубашке с короткими рукавами. А там, в ложбине между гор дожди, холодно. Мне тоже пришлось покупать на месте дополнительный теплый свитер, чтобы не замерзнуть.

Выезжаем вечером. Одна большая группа уже уехала днем на автобусе, мы едем на газели. Многие в нашей группе давно знакомы друг с другом, бывают в Грушино почти каждый год, мы с Сашей новички. Саша старательно снимает процесс посадки. Размещаемся по местам, нам достаются места рядом с водителем. Ехать всю ночь, на месте будем только утром. В начале смех, шутки, песни, но постепенно все утомляются, начинают дремать. Я тоже дремлю, а у Саши хватает бодрости поддерживать разговор с водителем, помогает ему коротать дорогу. Мы уже давно переехали мост в Балаково, движемся по левому берегу, проезжаем Пугачев.

Светится морем огней Самара, в город не въезжаем, дорога ведет по окраине, потом появляются дачные домики. Какое-то время едем лесом, но вот впереди шлагбаум, наш переезд окончен. Выгружаемся из газели и дальше идем пешком. Утро туманное, на тропинке лужи после недавнего дождя. Нас встречают те, кто приехал на несколько дней раньше, чтобы занять место. Вокруг сплошные палатки, даже палаточным городком не назовешь – скорее город! Наше место в лесу среди деревьев, а многие палатки на полянах, на открытом месте.

В первый день я неосторожно отхожу далеко от своего лагеря и не могу сориентироваться, в какой стороне его искать. Хорошо, что есть пункт, где у ребят на карте отмечено расположение всех групп из разных городов, они помогают мне найти расположение нашей группы.

Наши старожилы экипированы основательно, у них есть стол, тент, примусы, даже душ, огороженный брезентовым пологом. Рядом группа девушек-журналисток из Самары, с ними давно налажены дружеские отношения. Недалеко от нас основная эстрада, с которой ведутся телевизионные трансляции, на ней поют самые известные барды. А вообще эстрад несколько в разных местах, и концерты идут постоянно, хотя бы на двух – трех площадках. Слушатели переходят от одной сцены к другой, располагаются прямо на земле. У многих специальные «седушки» – кусок поролона с застегивающимися ремнями, это приспособление можно приобрести здесь же, на многочисленных торговых прилавках. Торгуют едой, туристическим снаряжением, сувенирами, дисками бардов.

Народу много, но атмосфера доброжелательная. Никто не возмущается, если пробирающиеся между сидящими на земле, случайно кого-то задевают. Пройти к Волге можно по мостику из понтонов, перед понтонами небольшая очередь, и они оседают под тяжестью постоянно идущих людей. Больше всего, конечно, молодежи, но, в общем-то, представлены все возраста, есть и старше нас.

Днем мы с Сашей переходим от одной эстрады к другой, купаемся и загораем на Волге, вечером располагаемся поближе к сцене основной третьей эстрады. Сменяют один другого певцы, Кочетков рассказывает свое:

Мой друг уехал вчера в Израиль,
Сижу, как будто в карман нас... ли.

Легкое замешательство, и поляна взрывается восторженными криками – на сцене Юрий Шевчук. В простой футболке, шортах, без своего оркестра, всего лишь с гитарой в руках. Как его встречают! Долго не хотят отпускать, трудно тем певцам, которым приходится петь после него.

Батарейка в видеокамере у Саши давно разрядилась, дополнительную батарейку и устройство для подзарядки он не взял. И снять успел совсем немного, причем те сцены, которые могли быть сняты в любом другом походе, они не отражают дух фестиваля.

На основной заключительный концерт на знаменитой «гитаре» мы не попадаем. Никто из старожилов не захотел пойти, а мы одни не рискнули. Впрочем, все эти же исполнители поют весь день в воскресенье на третьей эстраде. Поют до тех пор, пока еще остаются слушатели. Группы все постепенно снимаются, уезжают. Мы тоже сворачиваем палатки, переносим вещи к месту прибытия автобуса. Назад мы возвращаемся вместе с той группой, которая выехала раньше нас и располагалась в другом месте лагеря. В этой группе в основном студенты педагогического училища.

Мы переполнены впечатлениями, получили огромный заряд бодрости, но очень хочется еще раз повторить эту поездку.

Повторяем на следующий год. На этот раз с нами едет Вася – мальчик-сирота, опекуном над которым оформил Саша. Ваську не очень интересуют песни бардов, но он с восторгом участвует во всех проводимых в разных концах конкурсах. Особенно ему нравятся те, где можно получить какой-нибудь приз: пакетик сахара, картонную фуражку, значок, шариковую ручку. Пытается забраться по отвесной стене по вбитым на значительном расстоянии друг от друга скобам. Но ее последний участок, представляющий собой горизонтальный козырек, за которым не видны скобы, преодолеть не удается почти никому.

В этот раз Саша подготовился основательнее, снимает много. Мы поднимаемся по длинной лестнице на вершину горы, перед которой на воде будет расположена «гитара» – ее монтируют перед заключительным концертом. С высоты рассматриваем и снимаем простирающийся во все стороны наш палаточный город, затянутый дымками костров. Дрова для костров привозят с собой либо покупают здесь, на месте. Питьевую воду подвозят на машинах. Снимаем конкурсы поделок. В одном месте трудятся художники, пользуясь баллончиками красок. Забредаем в лагерь кришнаитов возле входного шлагбаума. Все они в белых длинных одеждах, глаза неестественно блестят, чувствуется резкий специфический запах. Здесь же на земле разложены их ароматические палочки, книги, шарики для массажа. Девушки на небольшой сцене монотонно поют, покачиваясь:

Харе Кришна, харе Рама...

Снимать здесь не запрещают, предлагают свои товары, проводят мне шариком по спине – щекотно и приятно. Но вид у них обкуренный, в их ароматах что-то наркотическое, долго мы не задерживаемся.

Шевчук в этот раз не приезжает, поют Хомчик, Шаов, Егоров, Третьяков. Разносится мощный бас знаменитого «знатока» Бурды: «Реки-тики-та, реки-тики-та!» И песня у него о том, что если нет голоса и слуха, кричи как можно громче.

Смотреть заключительный концерт на гору мы отправляемся с девушками из Самары. Концерт начнется вечером, но удобные места надо занять заранее. Девушки занимают с утра, дежурят там по очереди.

В этом году Грушинскому фестивалю тридцать лет, на «гитару» выходит Городницкий. Постепенно темнеет, и гора вспыхивает лучами покачивающихся в такт музыке фонариков. У меня в руке тоже фонарик, Саша держит видеокамеру.

В свою палатку возвращаемся уже утром, уставшие, но счастливые. Некоторые спят в спальнях мешках на поляне перед третьей эстрадой, скоро здесь опять начнется концерт.

«Но сумерки тают, и тучи втекают в рассвет,
И тихо вздыхает, нахмурившись рябью, река.
И завтрашний день наступает, а нас уже нет,
И только висит над поляной туман, а пока
Пой, кострами согретый остров,
Неси нас морем пустых скитаний,
И пусть туман обнимает остов,
Торчащий остро, былых мечтаний.»

(Олег Митяев, «Остров»)

Больше мне не удастся попасть на Грушинский фестиваль, но желание вернуться туда не исчезает до сих пор.

На веслах по рекам

Тамара рассказала о своей мечте: хочется спуститься на резиновой лодке по Иргизу. С остановками, рыбалкой, ухой на костре, ночевками в палатке. Я загорелась идеей. Работать все равно кончаю, стала подводить память, допускаю нелепые ошибки в программах, в одном месте исправлю, в другом забуду. Осваивать постоянно новое и новое, без чего невозможна работа программиста, уже не хочется. Да и вообще хороший программист – молодой программист. Чем быть плохим, лучше никаким.

Приобрела двухместную лодку, спасательные жилеты; палатка, спальные мешки есть – можно готовиться к поездке. У Тамары не получается, с внучкой надо сидеть, боится, что не хватит сил на долгий переход, она старше меня на десять лет. Решаем отправиться вдвоем с Сашей. Намечаем маршрут: подняться выше по Волге, переправиться через Волгу, войти в Ревяку, пройти по ней до соединения с Иргом, спуститься по Иргизу до Волги и там вернуться на этот берег. Отвезет вверх и заберет потом с Волги на машине сын.

Лето почти кончается, конец августа, но жара не спадает, ночи теплые, вода тоже. Отправляемся в путь. Грести через Волгу мне Саша не доверяет, гребет сам. А лодка, хотя и двухместная, но загружена вещами: продукты, теплая одежда, палатка, удочки. Тесновато, но как-то размещаемся, усаживаемся. Главное – перейти Волгу, в малых речках течение меньше, берега близко. Не так давно баржи, теплоходы, катера шли сплошным потоком, так легко не переправишься, сейчас пусто. Баржу редко увидишь, не говоря о теплоходах. Последние «Ракеты» и «Метеоры» продали и утопили где-то в шлюзах.

Я думала, что по Ревяке нам придется против течения выгребать, она же в Волгу впадает. Но нет, это скорее протока, течение несет нас вперед, к Иргизу. Тем лучше! Берега песчаные, деревья, цветы – красота! Здесь многие стоят лагерями все лето, приезжают на лодках, на машинах из Балакова, ставят палатки, оборудуют столики, скамейки. Сейчас уже многие лагеря сняты, закончилось время отпусков.

Первую остановку делаем недалеко от Волги. Выбираем удобное место, устраиваемся на берегу, начинаем рыбачить. Рыбаки мы не слишком искусные, но на уху наловили, сковородку рыбы пожарили. Больше нам и не надо, все равно хранить негде. Вечер тихий, вода спокойная, любимемся на закат. Неброская, неяркая, но такая нежная, ласковая, с детства любимая природа средней полосы. Помню, как возвращалась из туристической поездки по Кавказу. После буйной, экзотической зелени, снежных вершин, быстрых, прозрачных горных речек за окном вагона потянулись бескрайние степи, серые крыши небольших домишек, и на сердце потеплело – свое, родное.

Утро туманное, белый, молочный парок клубится над водой, но поднимающееся солнце быстро разогревает все, опять жара. Отправляемся дальше. Речка неширокая, много отмелей, островков. Иногда просто бредем по отмели, лодка на веревке легко идет за нами. Протоки, ответвления, заливы – Саша сверяется с картой, спрашиваем проезжающих лодочников, где нужно повернуть. Крутой поворот, течение ускоряется, мы входим в Иргом. Эти места уже знакомы, часто приезжали сюда на лодке с отцом. Немного дальше за поворотом Тупилкины Хутора. Там раньше стояла пристань, регулярно ходил катер. Ни пристани, ни катеров сейчас нет. Да и деревеньку не узнать, стоят новые добротные особняки. Живописное место облюбовали для отдыха в основном балаковцы. Вокруг много озер, заросли ежевики, растут грибы, хорошая рыбалка.

Плывем по Иргизу, выбираем место для остановки. С одной стороны берег крутой, обрывистый, с другой – пологий, но заросший камышом, сквозь камыш к берегу не продрасться. Видим подходящее место, останавливаемся, чем-то неприятно пахнет. Поднимаемся выше –

следы бывшей стоянки. Брошены банки, бутылки, остатки еды. На жаре все это гниет, издает резкий, отвратительный запах. Да... На Ревяке такого не было. Там на месте снятых лагерей остаются столики, скамейки, но не горы мусора. Не пешком ведь приходят, приезжают на машинах, лодках. Можно забрать с собой мусор, закопать, в крайнем случае. Нет, останавливаться здесь невозможно. Но рыба клюет хорошо, прикормлена. Немного рыбачим и отправляемся дальше.

Останавливаемся на крутом берегу возле протоки. С другой стороны протоки песчаная отмель, хорошо купаться, загорать. Проводим здесь две ночи, отдыхаем после длинного перехода. На отмель прибегает купаться молодежь из ближайшей деревни. В лесочке подальше расположились лагерем отдыхающие на машинах. На нашей стороне высокие деревья, кусты. Протока узкая, но глубокая, можно проехать на моторной лодке, дальше залив, озера. Фотографируем, хочется запомнить, унести с собой хотя бы частичку окружающей красоты. Купаемся, загораем на песке. Протоку можно переплыть в несколько взмахов или просто перейти там, где неглубоко. Сидим вечером у костра. Можно бесконечно смотреть на огонь, воду. Что еще? Как работает другой человек?

Когда гребет Саша, я сижу спокойно, смотрю по сторонам, фотографирую особенно живописные местечки. Если на веслах я, Саша начинает руководить: «Греби левым! Правым! Куда ты прешься!» Я раздражаюсь. Ну да, я не вижу, что у меня за спиной, но сам-то он ориентируется! Даже если уткнушь в берег, то не на большой скорости! Оттолкнусь.

Мы снова движемся по Иргизу. Когда больше ходили катера, лодки, не было такого количества водорослей. На мелководье сплошной зеленый ковер, покачиваются на воде листья кувшинок, цветы. Красиво, но пробираться по водорослям трудно, весла цепляются, застревают. Приближаемся к выходу в Волгу. Выше по течению пляж, широкая часть реки, ниже – ряд островов. Поворачиваем к островам. Вода у пологого левого берега затянута подвижной зеленой пленкой, мелкими водорослями, «цветет».

Входим в протоку, называющуюся Грязнухой. У островов тоже свои названия. Многие я не знала до сих пор, но на карте обозначено: Серёдыш, Вшивый, Чайкин. Подходим поочередно к островам – все те же неопрятные следы стоянок. Останавливаемся в одном месте, Саше хочется посмотреть тропинку, где ходил когда-то в детстве с отцом. Все заросло высокой травой, с трудом пробираемся к берегу. Тропинка едва заметна, ходят по ней явно немногие. Саша выходит на берег, я дожидаюсь его в лодке.

Дело к вечеру, пора выбирать место для ночлега. Находим подходящее на одном из островов, останавливаемся. В прозрачной воде видны проплывающие рыбешки, ходят возле берега, но клевать на удочку совершенно не хотят. Разводим костер, я жарю несколько попавшихся рыбок. Наверно устала, что-то рявкаю в ответ на очередное замечание Саши. Он обижается, уходит от меня по берегу. Наверно, уехал бы, но ни катеров, ни лодок поблизости нет, мы одни на острове. Возвращается, ужинаем в молчании. Идти в палатку он не хочет, демонстративно устраивается на перевернутой лодке, укрывшись с головой от докучливых комаров.

Дивный восход с нежной зарей, призрачной дорожкой на воде, пробивающимися сквозь листья высоких деревьев первыми лучами. От острова долго идем по мелководью. Песок сейчас никто не добывает, раньше его использовали на заводе нормального песка, завод уже не работает. Песок намывается вокруг островов. Через Волгу гребет Саша, я беру весла возле берега. Утыкаюсь в водоросли, выбираюсь, Саша молчит.

Ну, вот мы и на берегу. Звоню Алеше, дожидаемся его приезда. Путешествие закончено. Остались впечатления, фотографии, желание повторить подобное плавание еще раз. У меня во всяком случае.

Отдых на Волге

- Москвичи приехали, будут держать лагерь. Мы выезжаем, ты с нами?
- Сейчас не могу. Завтра приедет из Саратова Юля, я обещала, что буду дома.
- А мне в пятницу на работу, отпуск кончился. Отработаю день, а вечером вернусь на Волгу.
- Ну и меня заберешь. Может быть, Павлика удастся вытащить, засох совсем у своего компьютера.

После прохладного июня наступили опять теплые дни. Палаточные лагеря на песчаном, удобном для отдыха берегу Волги стоят сплошь, вплотную друг к другу. Найти в выходные свободное место, чтобы поставить машины и палатки, нелегко, летом здесь люди живут месяцами. Москвичи – Сергей, «который не пьет и хорошо жарит рыбу», со своей красавицей женой и сыном лагерь ставят капитально. Они с помощью друзей устанавливают столы, скамейки, тент, выкапывают яму – погреб для продуктов. Душ и туалет огораживаются занавесками. Все старательно следят за чистотой, весь мусор собирается в мешки и по возможности сразу вывозится. Количество людей в лагере меняется, уезжают, подъезжают, возвращаются. Те, кто еще намерен вернуться, оставляют свои палатки, в них на время могут разместиться другие. Я, мои дети и внуки отдыхаем с ними четвертый год, мне очень нравятся эти ребята. Утром и днем рыбачим, купаемся, загораем, вечером собираемся у костра. Так приятно посидеть на свежем воздухе, поговорить, спеть хорошую песню.

- И что все так стремятся в Москву? Столько народа! Все толпятся, мелькают, на машине вообще не проехать.
- В выходные проедешь вполне спокойно. А вот в пятницу, когда «коренные» москвичи расплозятся в Калугу, Рязань, Кострому...
- Смотри, какой здесь простор и покой.
- Но я от этого покоя через месяц бухать начну. Мне здесь нечем заняться, а там я полноценно работаю. Да я и не в самой Москве живу.

Я вспоминаю рассказ подруги о том, как ее навещала родственница в недавно полученной квартире в Саратове. «Рассказываю ей, что квартира хорошая, большой метраж, удобное расположение, балкон, лоджия. Стоит около четырех миллионов, недалеко от центра города. Но тринадцатый этаж. Заходим в подъезд, и надо же такому случиться! Раз в десять лет ломается лифт, именно в этот момент он сломался. Поднимаемся с ней по лестнице, а там кругом пыль, никто же не ходит, мы грязные все. Она вскоре начинает проклинать:

- Да пропади эти четыре миллиона! Даром не надо такую квартиру! Чтобы я еще раз сюда приехала!»
- Ну, нет, я, когда подбирал варианты, спрашивал: семнадцатый? десятый? Нет, не подойдет. Сказали второй – вот это то, что надо.

Ночью идет сильный дождь. Двойные палатки выдерживают, а наша одинарная к утру кое-где начинает подтекать. Те, у кого маленькие дети, пытаются выехать, но по раскисшей дороге не могут подняться в гору. Срочно натягиваем над костром большой тент, прячемся под него, кто-то сидит в палатках. Дует ветерок, разгоняет облака, пробиваются первые лучи солнца. Все успокаиваются, дороги вскоре подсыхают.

Уезжают одни, приезжают другие. Появляется на большой машине с прицепом Сергей, «у которого все есть». На прицепе резиновая лодка с мотором. Подъехали Ирина с Олегом. Олег с Сергеем отправляются на лодке рыбачить на другой берег. Ирина рассказывает о выпускном вечере младшей дочери.

«Ведущие там, как на свадьбе. Игры организовали, пары должны выполнять команды: вино – мужчины целуют женщин, водка – женщины мужчин, коньяк – мужчина должен поднять женщину. Но большинство – молоденькие, худенькие, а таких, как я, тяжело поднимать. Договорились, что можно поднять только ногу. Ну, Олег тягал, тягал мою ляжку, под конец поднял меня на руки. Идем, вспоминаем, Олег говорит:

– Хорошо хоть ты не пукнула, когда я твою ногу поднимал!

А Лена у нас сама непосредственность:

– Хорошо, папа, ты не пукнул, когда поднимал маму!»

Дружно смеемся над ее рассказом, присматриваем за маленькими непоседами, так и норовящими поглубже залезть в воду.

Но нам уже пора уезжать, детям в понедельник на работу, внуку в садик. У меня вряд ли получится приехать сюда в следующие выходные, а дети собираются вернуться, палатку не забирают. Подольше бы простоял этот лагерь!

Дивеево

Очень хотелось попасть в этом году в Сибирь на юбилей тети, сестры матери, и даже сын со мной ехать согласился. Но пока расплачивалась с долгами, образовавшимися из-за ряда публикаций, пропустила нужный срок для заказа билетов. Билетов уже не было, да и денег, честно говоря, тоже. Нужно опять влезать в долги и отказываться от всех новых публикаций.

Саша предложил трехдневную поездку в Дивеево, организующуюся церковью. Место сначала было только одно, но позднее кто-то отказался, и мы смогли попасть на ближайший рейс. Выезжать надо вечером, ночь в дороге, в Дивеево будем утром.

Сопровождает нас молодая девушка Наташа. Она предупреждает сразу, что поездка не туристическая, мы совершаем паломничество, поэтому никаких стонов и жалоб не должно быть. Автобус большой, комфортабельный, но ехать в нем двенадцать часов ночью все-таки нелегко. Большинство пассажиров женщины самых разных возрастов, но есть и мужчины, и дети. Помогает Наташе также молодой парень Максим. Он рассказывает нам о месте, в которое мы едем, показывает фильмы. Наташа сообщает нам время и порядок наших передвижений.

Я росла в атеистической семье, в нашем доме никогда не было икон, никто не молился. Крещение я приняла в достаточно зрелом возрасте во многом под влиянием Саши. То есть я не являюсь прилежной прихожанкой, регулярно присутствующей на богослужениях, выполняющей все церковные обряды. Захожу в церковь чаще всего с Сашей, ставлю свечки, обращаюсь к Богу своими словами, молитв знаю очень мало. Мне проще запомнить математические формулы, чем слова даже коротких молитв.

В Дивеево мы приезжаем ранним утром, село еще спит. Автобус останавливается на стоянке, нам предлагают пройти к святым источникам, через два часа нужно вернуться к автобусу. Наташа предупреждает, что вода в источниках очень холодная, окунаться в них без подготовки и нужного настроения может быть опасно, лучше не рисковать. Стоят красивые деревянные купальни отдельно для мужчин и женщин. Мы с Сашей ограничиваемся умыванием в действительно очень холодной воде и направляемся к Свято-Троицкому Серафимо-Дивеевскому монастырю. Идем по вымощенной брусчаткой дорожке мимо аккуратных деревянных домов. Везде очень много цветов, воздух напоен их ароматом. Лучи восходящего солнца подсвечивают фигуру ангела над одним из зданий монастыря, он светится золотым сиянием. Мы недолго любуемся величественными соборами и возвращаемся к автобусу, нас привезут всех вместе сюда на службу.

Служба идет в Троицком соборе, здесь же верующие поклоняются иконе Божией Матери «Умиление», мощам преподобного Серафима Саровского. Пройти по святой Канавке, прочитав сто пятьдесят раз молитву «Богородице Дево, радуйся» мне оказалось не под силу. Мы с Сашей просто проходим по тропинке, любуясь красотой монастыря и восхищаясь той огромной работой, которую выполняют сестры обители. Настолько все вокруг чисто, ухожено, возделано. Таких крупных ягод крыжовника, как на кустах возле Канавки, я нигде никогда не видела. Ветви яблонь монастырского сада усыпаны яблоками, все деревья окопаны, подбелены, никаких сорняков. Кое-где аккуратные грядки с овощами. Работают монахини очень много.

Обедаем мы с Сашей в пельменной недалеко от монастыря, кормят хорошо. И можно также бесплатно пообедать в монастырской трапезной, пища постная, но вкусная и питательная. Ужинаем мы здесь. У нас еще есть время до общего сбора возле трапезной, проходим с Сашей по селу. Встречаются на улицах собаки, кошки, они доверчиво подходят к людям. Возле источника небольшая серая кошка, что-то жалобно промяукав, выносит в зубах новорожденного слепого котенка, кладет его возле источника на траву, вылизывает. Котенок не шевелится, жив ли он? Мальчик спрашивает у матери:

– Почему она принесла его в зубах?

– Но у нее же нет рук, она принесла его к людям.

Кошка тоже надеется на помощь возле источника?

Размещают нас в бесплатной гостинице в больших комнатах с двухъярусными кроватями. Мы оставляем вещи в гостинице и едем к источнику преподобного Серафима Саровского. Вода здесь теплее, мы с Сашей окунаемся в целебные воды источника. Людей всех возрастов возле источника много. Приезжают семьями, окунаются вместе с детьми.

На следующий день рано утром мы выезжаем в Пайгарму, где также находятся монастырь и святой источник. По дороге слушаем интересный рассказ Максима, смотрим фильмы. Поклоняемся в монастыре святым иконам, окунаемся в источник. Здесь нас кормят особенно вкусно. А хлеб в монастыре пекут такой, что его хочется есть еще и еще, невозможно оторваться.

Из Пайгармы мы уже держим путь домой. Нас ожидает неожиданный сюрприз, Максим начинает петь песни на свои стихи под гитару. У него хороший голос, проникновенное исполнение, а слова такие, что от одной песни я не могу сдержать слез, они непроизвольно текут у меня по щекам. Несколько известных песен мы исполняем всем автобусом. Начинаем со старинной «По диким степям Забайкалья», переходим к более современным: песня из кинофильма «Весна на Запечной улице», «Зорька алая, губы алые», «Выйду ночью в поле с конем». В числе паломников из Базарного Карбулака оказалась солистка ансамбля «Волжанка, мы с удовольствием слушаем ее песни.

Заканчивается незабываемая поездка вечером этого дня. Остаются удивительные чувства, воспоминания и желание повторить такую поездку еще раз.

Хотя бы здесь

В школу я чаще всего ходила одной и той же дорогой. Проходила мимо небольшого, аккуратного домика, возле которого сидел на скамейке старичок. Иногда он подметал улицу перед своим домиком, там всегда было чисто выметено. Старичок здоровался со всеми прохожими и что-нибудь им говорил. Я сначала не отвечала на его приветствие. Почему он здоровается со мной? Ведь я же его не знаю! Но после его нескольких замечаний, я стала здороваться с ним первая. И выслушивала:

– А из платица ты уже выросла, рукава коротки.

Он много еще чего говорил, но я почему-то запомнила только это.

Плотнику, который строил у нас веранду, старичок сказал:

– Здравствуй, курящий! Дерьмо сосущий.

Этот плотник так и получил прозвище Курящий с легкой руки старичка.

Мне не всегда хотелось встречаться с этим старичком, иногда я шла по другим улицам, минуя его дом. Потом он исчез. Наверно умер, но все-таки остался в моей памяти.

Сейчас я пенсионерка и ловлю себя на желании взять метлу и чисто подмести возле своего дома. Пусть хотя бы на этом кусочке земли будет чистота и порядок. Только я живу не в маленьком частном доме, а в большом, пятиэтажном. И перед нашим домом стоят баки для мусора, которые часто переполняются. Мусор раздувает ветер, растаскивают собаки. Дворники иногда убирают, иногда нет. Я часто ухожу и уезжаю из своего дома, а когда я на месте, у меня хватает дел в своей квартире. Но все также хочется, чтобы на окружающем меня пространстве были свет, чистота и порядок.

Хотя бы здесь.

Каникулы в Санкт-Петербурге

Надо же было умудриться дожить до таких лет, побывать во многих городах, но ни разу не быть в Ленинграде, сейчас Санкт-Петербурге! О том, что я еду туда с внучкой в ее осенние каникулы старший сын сообщил мне, как о давно решенном. Я не сопротивлялась, промямлила только про недостаток денег, так их все время не хватает, что тут нового. Билеты сноха заказала заранее. Чуть не подвел неожиданный остеохондроз – продуло из окна, и перестала поворачиваться шея. К счастью, успела вовремя вылечиться, спасибо другу массажисту, выехали по плану.

В поезде общительный мужчина с верхней полки прикладывается периодически к жестяной баночке и становится все общительнее. Он объясняет, что работает вахтовым способом, приходится часто ездить. Зарабатывает неплохо, но все же считает, что при советском строе было лучше.

– Ну да, хотя бы мизерная зарплата была гарантирована всем.

– Мизерная? У меня дед около тысячи получал.

– Строитель? А я университет окончила и получала 110 рублей в научно-исследовательском институте. И все время в колхоз посылали или на строительство дорог. На дороги я, правда, не ездила, а в колхоз постоянно. Стоило пятнадцать лет учиться, чтобы научиться копать картошку, раньше мне как-то не приходилось.

– А я институт на третьем курсе бросил, сейчас жалею.

– В колхозе три с половиной старухи, пьяный комбайнер, вечно сломанный комбайн. Починят, комбайнер напьется и снова ломает. Коровы ободранные, голодные. В овощехранилище дырявая крыша, картошка гниет, запах такой, что впору противогаз надевать. И какой-нибудь бригадир кричит, что мы грабли в руках не умеем держать. А вы к нам приезжайте, мы посмотрим, с какой стороны вы будете к приборам подходить.

– Ясно, почему академик в каждую сетку свою визитную карточку вкладывал. А сейчас лучше?

– Нет, не лучше. Но кто все приватизировал? Те же партийные работники и руководители крупных предприятий. Надоело им скрывать свои доходы, решили действовать открыто.

– Москва все это сделала.

– Москва? В нашем городе столько было заводов и фабрик, все разворовали. Свои, не из Москвы же приезжали. Дали им зеленый свет.

– Но ведь дали!

– Да, потому что им самим это было надо.

Ночью у попутчика долго звенел включенный на телефоне будильник, он ничего не слышал. Будила его перед остановкой проводница.

Ксюша уже была в Санкт-Петербурге с родителями, ей очень понравилось, захотелось посмотреть еще, как можно больше. Встречает нас на вокзале мой племянник Максим, провожает к своей бывшей жене Тане, у нее просторнее. Таня живет с сыном в небольшой однокомнатной квартире на Васильевском острове. Переехали недавно, еще не обжились, но для гостей место всегда находится. Таня работает, может посвятить нам только один выходной, но рассказывает подробно, где что находится. Мы путешествуем сами, и не обходится без казусов.

Разыскивая дельфинарий, мы доезжаем до нужной станции метро, но вышли не с той стороны. Отправились, соответственно, тоже не в ту сторону, поэтому долго не могли найти Морской проспект и Гребную улицу. Те, у кого мы пытались узнать дорогу, как назло оказались

тоже приезжими и ничем нам помочь не могли. Когда же мы, наконец, вернулись к той станции метро и перешли на другую ее сторону, все оказалось действительно совсем рядом.

Дельфинов я тоже никогда не видела, только по телевизору. Почему-то мне больше всего запомнились низкие, вибрирующие звуки перед началом представления. Кто их издавал? Дельфины, белуха, тюлениха, морской лев? Не знаю. Смотрела на всех с большим интересом, несомненно, они очень разумные, у меня даже создалось впечатление, что скорее они дрессировали людей, работающих с ними, а не наоборот. Скульптура, которая стоит в Эрмитаже и называется «Мертвый мальчик на дельфине» ничего общего с дельфинами не имеет. Это чудовище скорее похоже на какого-то морского змея.

Стайки школьников в сопровождении учителей мы встречаем в разных местах города. Много школьников на музыкальном водевиле «Барышня-крестьянка». Говорящую охотничью собаку дети встречают с особым восторгом.

– Ой! Собаченька! – эмоционально вскрикивает школьница на первом ряду.

В антракте Ксюша хочет пить. Глоток воды в зале ей прощается, но когда она хочет вынуть конфету, нас строго предупреждают, что для этого есть буфет. В буфет мы не идем, там слишком много народа, обходимся без конфет. А когда мы выходим в фойе после окончания спектакля, видим на полу фантики, пластмассовые ложечки, воспитание хромает у многих. Вполне понятно возмущение работников театра. Или это месть за запреты в антракте? Во всяком случае, в нашем местном театре я такого никогда не видела, да и в других театрах тоже, включая ТЮЗы. Возможно, сыграли роль тон и вид, с которым делались замечания. Мне эти «служительницы культуры» в театре на Литейном напомнили квартирную хозяйку, у которой я жила, готовясь к вступительным экзаменам в Саратовский университет. Она работала вахтершей в музее им. Чернышевского, сидела у входа в зал, считала себя, поэтому очень культурной и возмущенно кричала на своего мужа грузчика:

– Как ты посмел прийти ко мне на работу! Ты меня опозорил!

Хотя, конечно, реакцию детей я не оправдываю.

Эрмитаж Ксюше в ее двенадцать лет не очень интересен, а вот Макет России она рассматривала внимательно. Нажимала на разные кнопки, заставляя двигаться крошечные фигурки. В кинотеатры тоже ходила с удовольствием, особенно в кинотеатр 7Д. В нашем городе закрыли все старые кинотеатры, а новые не оборудовали.

В очередной раз выходим из метро:

– Ксюша, мы, кажется, опять не в ту сторону идем.

– Я даже и не удивлюсь!

Танюша заказывает такси ночью, чтобы посмотреть на разводящиеся мосты. Людей на набережной много, смотрят, фотографируют. На воде холодно, но все равно несколько сияющих разноцветными огнями катеров останавливаются напротив мостов.

Несколько дней пролетают, как одно мгновение, пора уезжать. Складывать сумки мне активно помогает такса Дора, укладывая в мою сумку свои игрушки. Выходим вовремя, Таня нас провожает, но я вдруг на середине дороги вспоминаю, что забыла взять робота, которого Таня купила для Ванюшки, брата Ксюши. Таня бежит за роботом, мы с Ксюшей идем к оставке. Пропускаем один троллейбус, автобус. Вместе с Таней долго ждем следующий троллейбус, задерживаемся в пробках, на светофорах. К вокзалу бежим бегом с тяжелыми сумками.

У моей сумки отрывается одна ручка, хорошо, что ничего не высыпается. Вскакиваем в ближайший вагон в последнюю минуту, почти на ходу. Долго пробираемся через весь состав к своему вагону, наконец-то усаживаемся на свои места.

До свидания, прекрасный город! Или прощай?

Суббота, тринадцатое

Всю неделю просидела безвылазно с приболевшим внуком. Саша работал в деревенском доме, готовясь поставить на место наконец-то приехавшую крышу. А дни стояли ясные, теплые, со всех сторон везли грибы разных сортов, видов и размеров. Со следующей недели во всех прогнозах обещали затяжные дожди. Так и получалось, что надо ехать в субботу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.